Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». № 10 (95). – Волгоград, 2014. – С. 59 – 63.

ГУРСКАЯ Ю.А.
(Минск)

АНТРОПОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

В настоящее время актуальной является проблема исследования фамилий как особого лингвокультурного феномена, что связано с актуализацией антропоцентрической парадигмы в гуманитарных исследованиях. Особую значимость анализ ономастических материалов может сыграть в изучении языковых контактов, поскольку ономастическая система с течением времени становится своего рода хранилищем реликтов древности [4, с. 12].

Проблемы межъязыковых и культурных контактов в сфере ономастики глубоко и всесторонне рассматривались в основном на материале топонимии (Агеева Р.А., Буга К., Жучкевич В.А., Керт Г.М., Матвеев А.К., Молчанова О.Т., Никонов В.А., Подольская Н.В., Топоров В.Н., Трубачев О.Н. и др.). В меньшей степени изучены вопросы, связанные с взаимовлиянием языков в области антропонимии, что определяет актуальность исследования.

Целью статьи является исследование взаимодействия антропонимических систем на полиэтничной территории на примере одного из пограничных регионов Беларуси – Витебщины и Могилевщины, который находится на пересечении славянских и неславянских ареалов. В XIII – XVII вв. данная территория входила в состав Великого княжества Литовского (ВКЛ), которое населяли разные народы и этнические группы, пользующиеся собственным языком или диалектом и одновременно канцелярским языком, что приводило к языковой интерференции, см. [2].

Этнолингвистические отношения, существовавшие на территории ВКЛ, находят отражение также в исторической антропонимии. Среди фамилий этнонимического происхождения на исследуемой территории зафиксированы: а) фамилии, образованные от этносов и этнических групп, проживавших на территории ВКЛ и Речи Посполитой; б) фамилии, восходящие к названиям

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

этносов, проживавших в других европейских и неевропейских странах; в) фамилии с этнонимическими конкретизаторами, входящими в антропонимическую формулу.

В памятниках зафиксированы антропонимы этнонимического происхождения, называющие следующие этносы и этнические группы: славянские народы: ***Москал*** – ст.-бел. ‘подданный Московского государства’; ***Хохол***; ***Словак***; ***Лях***; ***Чех***; ***Кашуба***; ***Мазур***, ***Poliak***; ***Болгарин***; балтийские: ***Латыш***, ***Литвин***; ***Прус***; западноевропейские: ***Немецъ***; ***Włoszek***; ***Шведъ***. Отмечены фамилии, образованные от названий неевропейских народов: ***Жидъ, Козар, Орменъчикъ***, ***Татарин, Турко, Черкасъ***, ***Чувашов***.

Согласно Л.Беднарчуку, каждая из этих этнических групп использовала собственный этнолект и канцелярский язык, обогащая последний элементами своего этнолекта. В то же время в собственные этнолекты данные этнические группы вносили определенные компоненты, характерные для канцелярского языка. В качестве канцелярского языка ВКЛ до XVII в. функционировал западный вариант старорусского правового языка, насыщенный локальными диалектными особенностями (отсюда его условное название старобелорусский язык), который после Люблинской унии 1569 г. постепенно был вытеснен польским языком [5, s. 18]. Памятники письменности XV – XVII вв., из которых был извлечен антропонимический материал, написаны на упомянутом варианте канцелярского языка, частично на польском и латинском языках.

Необычайно сложные религиозные отношения на землях ВКЛ также требовали употребления разных языков и алфавитов. Литургическим языком римско-католического костела был латинской язык, а вспомогательными языками – польский, литовский и белорусский. В православной и униатской церквях использовался церковнославянский язык, насыщенный в разной степени элементами разговорного белорусского, частично украинского языков. Языком богослужения евреев и караимов выступал древнееврейский. В качестве языка литургических текстов литовскими татарами использовался арабский язык, а вспомогательными языками до XVII в. были белорусский и

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

польский, записанные арабским алфавитом, выполнявшим одновременно сакральную и тайную (относительно неверных) функции [5, s. 24 – 25].

По мнению Н.Б.Мечковской, с учетом дифференциальных признаков, значимых для типологии языковых ситуаций, ситуация на белорусской этнической территории в ВКЛ может быть охарактеризована как: «1) многокомпонентная; 2) многоязычная; 3) демографически неравновесная; 4) коммуникативно несбалансированная; 5) с различным юридическим статусом образующих ситуацию языков; 6) совмещающая близкородственное и неблизкородственное двуязычие; 7) эндоэкзоглоссная, т.к. один из престижных языков, «проста мова», был родным для большинства населения, а другие (церковнославянский, латынь) были не местного происхождения; 8) диглоссная до середины XVI века и недиглоссная впоследствии» [3, с. 104].

Сложная языковая ситуация на территории ВКЛ оказала влияние на формировавшуюся систему фамилий, в которой с историко-этимологической точки зрения можно выделить разные по характеру и времени происхождения пласты. Значительную часть составляют фамилии, в основе которых лежат христианские имена. Зафиксированы также фамилии, образованные от традиционных мусульманских и древнееврейских имен, которые играли ту же роль, что и христианские имена, даваемые при крещении. Обширную группу составляют антропонимы славянского и балтийского происхождения, образованные от апеллятивных личных имен и прозвищ. К третьей группе можно отнести фамилии, которые восходят к древним сложным именам индоевропейского типа. Рассмотрим каждую группу.

Наиболее частотными являются фамилии, образованные от христианских имен. Значительная часть имен, бытовавших в белорусском ареале в XIV – XVIII вв., относилась к двум сосуществовавшим именословным системам – православной и католической, которые, с одной стороны, оказывали друг на друга влияние, а с другой – испытывали воздействие канцелярских языков и этнолектов. Сосуществование разных языков и этнолектов приводило к появлению графических и фонетических вариантов, которые отражали

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

следующие явления: а) смешение заднеязычных согласных – белорусского [h], польских [g], [ch] и литовского [g], обозначавшегося в памятниках диграфом *кг*: *Bogdanowicz* / *Bohdanowicz*; *Гаврацкий* /*Кгаврацкий*; *Глебович* /*Chlebowicz*; б) палатализация переднеязычных согласных перед гласными переднего ряда, а также перед согласным, что характерно для белорусского и польского языков: *Грицкович* < бел. разг. *Гриц* (: Григорий) наряду с *Гриткович*; *Мицкович* < бел. разг. *Міцько* (: Димитрий), наряду с *Миткович*; *Radzkiewicz* < бел. разг. *Радзь*, польск. *Radź* (: церк. *Родион*) и *Радкович*; в) наличие белорусского безударного [а] наряду с польским [о]: *Афанасович* и *Ofanasowicz*; г) появление интервокального [в]: *Левонович* < *Левон* (: Леонтий) наряду с польским *Leonowicz*; д) замена согласного [ф] близкими по артикуляции [п], [х] или [хв], иногда их смешение: *Стефанович*/ *Стехванович*/ *Ścisbanowicz*; *Ходорович* < *Ходор* (: Феодор). Наряду с фамилиями *Хомин*, *Хоминич* < *Хома* (: правосл. Фома) отмечены онимы, образованные от католических имен: *Томашов* < бел. *Томаш* (: польск. Tomasz).

Процессы адаптации к белорусскому языку, например, появление протетических [v], [γ], отражены в арабо-мусульманских и древнееврейских антропонимах: *Восмановичъ* наряду с *Осман*; *Heliasz* наряду с *Eliasz*.

Сосуществование и взаимное влияние этнолектов и языков отражено и в апеллятивной лексике, на базе которой образовывались фамилии. Значительную группу составляют фамилии, образованные от восточнославянских имен и прозвищ, среди которых выделяются антропонимы, содержащие лексемы белорусского языка: *Деско Ескович* ***Жоров*** < *жораў* ‘журавль’; *Василей* ***Хлусович*** < *хлус* ‘врун’; *Овтушко* ***Шостакович*** < *шастак* ‘шестой, монета в три копейки’; *Матыс* ***Шпак*** < *шпак* ‘скворец’ [АВАК, с. 112, 182, 267, 330]; *Мацвей* ***Цибуля*** < *цыбуля* ‘лук’ [ИЮМ, вып. 28, с. 170].

Отмечены фамилии, образованные на базе польского языка: *Mikołay* ***Gołębiowski*** < *gołąb* ‘голубь’; *Janus* ***Dworzanski*** < *dworzański* ‘дворянский, шляхетский’, *Marcyan* ***Krzywiec*** < *krzywy* ‘кривой’, *Sidor* ***Rękawiczny***, ср. польск. *rękawicznik* ‘ремесленник, делающий рукавицы’, *rękawica* ‘рукавица’, *Isay*

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Szczęsny < *szczęsny*, ст.-польск. *szczesny* ‘счастливый’ [БА, т. 1, с. 101; 218; 207; 163; 90]; *Иван* ***Дзянькуя*** < *dziękuję* ‘благодарю’ [ИЮМ, вып. 30, с. 248].

Исторические данные свидетельствуют о тесных контактах балтийских и славянских племен в данном регионе, что находит подтверждение в отпрозвищных фамилиях литовского происхождения: *Демяна* ***Гурды*** [ИЮМ, вып. 1, с. 13], ср. лит. *Gurdus* < *gurdùs* ‘бессильный, беспомощный’ [8, т. 1, р. 746]; *Роман* ***Можейко*** [ИЮМ, вып. 2, с. 335] < лит. *Mažeĩkis* < лит. *mãžas* ‘небольшого роста, маленький’ [8, т. 2, р. 191–194]; *Цярешка* ***Пикуля*** [ИЮМ, вып. 30, с. 248], ср. лит. *Pik-ulis, Pik-elis* < лит. *pìk-ulis, pìk-ulas* ‘злой дух, черт’, *piktas* ‘злой’; др.-прусск. *pick-ūl-s* ‘черт’, лтш. *pik-ul-s* то же [4, с. 64]; *Алексей* ***Стракиш*** [ИЮМ, вып. 32, с. 227], ср. лит. *Strakénas* < *strakùs* ‘проворный, ловкий’ [8, т. 2, р. 829]; *Семену* ***Шалтуку*** *Василевичу* [ИЮМ, вып. 32, с. 162], ср. лит. *Šaln-as, Šalt-enas, Šalt-inis, Šalt-is, Šalt-ys* < лит. *šalna* ‘заморозки’, *šaltis* ‘холод’ [8, т. 2, р. 882–883].

Отмечены фамилии, которые могут восходить как к литовскому, так и к латышскому языкам: ***Воболя*** *Мацька* [БА, т. 2, с. 89], ср. лит. *Vãbalas* < *vãbalas* ‘жук’, лтш. *vabole* – то же [8, т. 2, р. 1123]; ***Звейна*** *Милька* [БА, т. 2, с. 92], ср. лтш. *zvejnieks* ‘рыбак’, диал. лтш. *zvejnes* ‘чешуя’.

Зафиксированы фамилии балтийского происхождения, которые восходят к сложным именам индоевропейского типа: *Gabriel* ***Kim-bar*** [БА, т. 1, с. 152] < лит. *Kim-baras, Kim-bartas, Kin-baras, Kin-bartas*. Компонент Kin(t)-/ Kan(t)-/Kim- соотносится с гнездом родственных слов: лит. *kẽsti* ‘терпеть, выносить’, *kentéti* ‘страдать’, *kantus* ‘терпимый’, *pakantà* ‘терпимость’ [8, т. 1, р. 913-914]. Антропооснова *Bar-* связана с лит. *barti* ‘бранить, ругать’; русск. *бороть*;

Яков ***Нарбут*** [АВАК, с. 218], ср. древние литовские антропонимы с компонентом Nar-/Nor- в качестве первого члена: *Nór-butas, Nór-būtas, Nor-gelas, Nor-gẽlis, Nór-mantas, Nór-vainis, Nor-váišis, Nór-vidas* [8, т. 2, р. 296–297]. В качестве второго члена компонент *Nor-* выступает в сложных антропонимах: лит. *Baĩ-noras, Beĩ-noras, Bùt-noras, Daug-norà, Eĩ-noras* и др. Компонент *Nar-/Nor-* связан с лит. *noréti* ‘хотеть, желать’, *noras* ‘желание;

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

охота, воля’[8, т. 2, р. 296 – 297]. Второй компонент *But-* соотносится с лит. *būti* ‘быть’, *būtis* ‘бытие’, др.-прусск. *būton* ‘быть’, *buttan* ‘дом’; русск. *быть*.

В меньшей степени отмечаются антропонимы от прозвищ тюркского происхождения: *Федора* ***Бердея*** < *Берди* < *ber* + *di* ‘он дал’; ***Корсак*** < тюрк. *gorsaq* ‘степная лисица; вообще лиса, волк’, тат. *карсак* то же; *Петр* ***Кучук*** < тат. *küčük* ‘маленький, низенький, молодой; щенок’ [1, с. 62, 73, 177].

Единичными примерами представлены фамилии западноевропейского происхождения, среди которых преобладают немецкие: *Hans* ***Horn*** [БА, т. 1, s. 217]; *Ганус* ***Шмит*** [БА, т. 2, s. 230] < нем. *Schmidt* [7, т. 2, p. 338, 519].

Языковые контакты, проявившиеся в словообразовании, приводили к появлению гибридных единиц. Среди гибридных названий можно выделить следующие группы: а) антропонимы, образованные на базе балтийских, немецких, татарских лексических основ при помощи антропонимических суффиксов славянского происхождения; б) антропонимы, образованные на базе славянских основ и суффиксов балтийского происхождения. Отдельную группу составляют сложные единицы, в которых объединяются компоненты уже сформировавшихся разных антропонимических систем.

К первой группе относятся единицы, образованные с помощью патронимического форманта *-ович/-евич*, который фиксируется в памятниках на всей территории БКЛ, участвуя в образовании фамилий славянского, балтийского, татарского, еврейского происхождения: *Евневич* < лит. *Jaũnis* < *jáunas* ‘молодой’; *Сольтановичъ* < *Салтан* < араб. *sultān*; *Шлом-ич* < *Шлома*: Соломон; *Мошк-ович*, ср. *Мовшович, Мошес, Москович* < *Mosé*: Моисей. Однако преобладал данный формант в фамилиях, образованных от восточнославянских апеллятивов, а также от православных имен.

Фамилии с суффиксом *-ский*/*-цкий* характерны для польской шляхты, о чем свидетельствуют не только антропооснова фамилии, но и личные имена в составе антропонимической формулы: *Фронц Желеховский, Войтех Колуцкий, Криштоф Метлицкий, Ян Новацкий, Ян Словицкий, Бартош Тарноцкий* [АВАК, с. 28; 438; 500; 152; 525; 401].

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Отмечены также фамилии на *-ский/-цкий*, образованные от литовских, немецких, татарских апеллятивов, отражающие процесс полонизации данных родов: ***Бурневский***, ср. лит. *Burnus, Burnỹs, Burneyko* < *burnà* ‘рот’ [8, т. 1, p. 359], ***Кушлянский***, ср. лит. *Kušlỹs, Kušléika, Kušlis* < *kùšla*s ‘подслеповатый’ [8, т.1, p. 1140]; ***Шванский***, ср. нем. *Schwan* ‘лебедь’ [7, s. 530].

Спорадически зафиксированы антропонимы, содержащие балтийскую антропооснову и другие славянские форманты, например, суффикс *-уха*, представленный в славянкой антропонимии: *Давыд* ***Ятуха*** [ИЮМ, вып. 30, с. 304]. В основе антропонима лежит корень Jo(t)-, ср. литовские сложные антропонимы: *Jo-skaudas, Jo-daugas, Jo-gintas, J-mantas;* др. прусск. *Jo-gaude, Jo-mandt* [8, т. 1, p. 846]. Источником антропонимов с компонентом *Jo-* является гнездо генетически родственных слов: лит. *eiti* ‘идти’, *joti* ‘ехать’, др.-инд. *yā* ‘идти, ехать, ходить’, *yānas* ‘путь, дорога’ [4, с. 73].

Отдельную группу составляют балтийские антропонимы с формантами -eika, -elis, -enis, -ulis: *Moz-eyko, Szup-ienis, Кгер-ул-ис*; *Мат-юль, Петр-ель*. При этом балтийский формант *-eika* зафиксирован также в сочетании со славянскими апеллятивами: *Гугнейка, Тольст-еико-вичъ*; *Кисл-ейк-ович*.

Отдельные фамилии являются гибридными образованиями, возникшими в результате пересечения компонентов разных антропонимических систем, ср.: *Станиславъ* ***Яр-кголтмъ*** [АВАК, с. 418]. Первый компонент антропонима *Яр-* восходит к сложным славянским именам типа *Ярополк, Ярослав* или белорусским народным формам христианских имен типа: *Ермолай* > *Ярмола*, *Еремеуш* < *Ярема*. Второй компонент *Gaud-* зафиксирован в сложных балтийских именах типа: *Jo-gaudas, Eĩ-gaudas, Kár-gaudas, Mìl-gaudas, Rìm-gaudas*. Антропооснова *Gaud-* соотносится с лит. *gaũsti* ‘гудеть’, *gaũdė* ‘звучать’. Изменение дифтонга *au* → *ol* связано с особенностями белорусского произношения XV – XVI вв., когда произносили вместо *-л-* (твердого) *-ў-*, в то время как в соответствии с письменной традицией писали *-л-* [6, p. 265–266].

Таким образом, в антропонимии восточной части Беларуси, как и на всей территории ВКЛ, широко отражены процессы взаимовлияния различных

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

этнолектов и языков, пересечения, наложения антропонимических единиц, что было обусловлено контактированием разных языков и культур.

Литература

1. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1969.

2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000.

3. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособие для студентов гуманит. вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000.

4. Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики, Вильнюс : CIKLONAS, 2003.

5. Bednarczuk L. Językowy obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego. Kraków: Lexis, 2010.

6. Būga K. Rinktiniai raštai: 3 t. Vilnius. Vol. 3. 1958.

7. Gottschald M. Deutsche Namenkunde. Berlin; New York: Gruyter, 1982.

8. Lietuvių pavardžių žodynas: 2 t. / A.Vanagas, V. Maciejauskiene, M. Razmukaite, Vilnius : Mokslas, 1985–1989.

Источники

АВАК Акты, издаваемые Археографической Виленскою комиссией для разбора древних актов: в 39 т. Вильна, 1915. Т. 39.

БА Беларускі архіў. Т. 1. Матэрыялы і дакументы да гісторыі Беларуска-Літоўскай дзяржавы (XVI—XVII ст.). Мінск: Інбелкульт, 1927.

БА Беларускі архіў. Т. 2. Літоўская метрыка (XV—XVI ст.). Мінск: Інбелкульт, 1928.

ИЮМ Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской: в 32 т. Витебск, 1871 – 1906.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ